

В. В. Шишкин

Петр Рагун — Пьер Рагон, переводчик с французского при Иване IV и Федоре Ивановиче

Имя Пьера Рагона как француза-переводчика на русской службе впервые стало известным после публикации «Повести временных лет» (под названием «Летопись Нестора») и иных документов, связанных с русско-французскими связями, которые в 1834 г. собрал и перевел Луи Парис, известный историк и архивист¹. Среди прочего он привел текст французского перевода грамоты царя Федора Ивановича, адресованной королю Генриху III (1574–1589), которую он ошибочно датировал октябрем 1586 г.² и где есть следующие строки: «Мы отправили Вам нашу грамоту с нашим переводчиком Пьером Рагоном, чтобы известить Вас о положении наших дел и услышать о Вашем добром расположении, и на каковую грамоту Вы прислали нам ответ с нашим названным переводчиком»³.

Перевод этого отрывка русской грамоты обратно с французского языка звучит, конечно, модернизированно, но из него становится ясным, что речь идет о втором письме Федора Ивановича во Францию, где вначале кратко передается суть предыдущего письма, списки которого не сохранились или пока не обнаружены ни в отечественных, ни в западных депозитариях. Но когда же было составлено это первое послание и что толкнуло правительство царя Федора Ивановича отправить гонца во Францию? Наконец, кем был Пьер Рагон, которому в историографии русско-французских отношений посвящена только одна маленькая работа на английском языке Александры Калмыковой, суммирующая краткие и отрывочные сведения об этом персонаже?⁴

Попробуем ответить на первый вопрос исходя из контекста франко-русских отношений в 1580-х гг. Эпизодические контакты (посольства) и нерегулярная переписка между Генрихом де Валуа, прежним королем Польши (1573–1574), Генрихом III во Франции и Иваном IV Васильевичем (1533–1584) начались в апреле 1574 г. и возобновлялись время от времени в зависимости от взаимных интересов⁵. Поиски морских путей в Россию после потери русскими Нарвы в 1581 г. привели к попыткам французов успеть за своими более удачливыми конкурентами — англичанами и голландцами, осваивавшими Северный путь. Французская корона получала процент от покровительства торговым операциям, постоянно нуждаясь в деньгах в условиях длительных Гражданских войн⁶.

Летом 1583 г. корабль купца из нормандского Дьеппа, Этьена Ватье, сумел пришвартоваться в Коле — это был первый задокументированный визит французских негодантов на Русский Север. В свое время Гиви Жордания, советский грузинский историк, сумел доказать, что Ватье прибыл с очередным письмом Генриха III, адресованным Ивану IV Васильевичу. По его мнению, оно содержало несколько важных сюжетов, среди которых — установление дружеских отношений между русским и французским монархами; обеспечение благоприятных условий для взаимной торговли; закрепление Кольской пристани за французскими купцами⁷. Г. Жордания опирался главным образом на записи переговоров уполномоченных бояр с английским послом Джеромом Баусом/Боусом («князь Еремей») осенью — зимой 1583/84 г. Англичане узнали, что их конкуренты-французы смогли найти путь на Русский Север, и, опасаясь конкуренции, устами Бауса попытались протестовать: «И посол князь Еремѣй говорил: то, де, государыне нашей Елисавет королевне [королеве Англии Елизавете I Тюдор] будет не любо, что приставаат <...> х Коле Францовские земли людем». Русские представители резонно отвечали, что Генрих III и Иван Васильевич не первый год поддерживают дружеские связи и заинтересованы в возобновлении торговых отношений через новый порт: «Во се ныне к господарю нашему прислал Францовский король к морскому пристанищу х Коле, а просили у господаря нашего того, чтоб з господарем нашим быть в любви в братцкой и люди бы его в господаря нашего государство приходили, а господаря нашего люди в его государство ходили...»; «...к Господарю нашему писал Францовской король о любви»⁸.

Посольство Д. Бауса в Россию окончилось безрезультатно и скандально, поскольку он не сумел сохранить английскую торговую монополию, вел себя вызывающе во время аудиенций с царем и встреч с боярами и в итоге был подвергнут домашнему аресту. 30 мая 1584 г., уже после смерти Ивана IV, он отбыл обратно⁹. Кольская гавань, таким образом, была закреплена за французскими негодантами, однако воспользоваться этой привилегией они не смогли: во Франции возобновилась гражданская война, и лишь корабль капитана Жана Соважа, также из Дьеппа, был снаряжен в Архангельск тремя годами позже.

Письмо Генриха III 1583 г. требовало ответного слова, и очень вероятно, что глава Посольского приказа А.Я. Щелкалов искал для этого значимый по-

вод и подходящего курьера. Смерть Ивана Грозного 18 марта 1584 г. и воцарение Федора I Ивановича позволили найти решение: Джерома Бауса отпустили из Москвы с условием, что на борт английского корабля поднимется царский посланец во Францию Пьер Рагон. «Государя вашего гонца ко Францовскому королю <...> на своих кораблях я повезу», — ответил Баус Никите Романову, правда, с оговоркой, что не может гарантировать пропуск во Францию от королевы Елизаветы I¹⁰. Таким образом, время составления первого послания царя Федора во Францию — весна 1584 г.

Младший современник событий, голландский историк Николас ван Вассенар (1571–1630), опираясь на неизвестные голландские источники (донесения из России), косвенно подтверждает отправку Рагона (не зная его имени) Северным путем, через Архангельский порт. Он особо отмечает важность этого посольства, по задачам сравнимого с миссией Ганса Шлитте 1540–1550-х гг.: «Когда эта цитадель [Архангельск] была возведена, Андрей Яковлевич Щелкалов через нее стремился также продвинуть дела Императора и Великого герцога Всея Руси Федора Иоанновича, послав знатока языков и переводчика с французского языка, который в это время был на службе у Императора, в западные города, с целью пригласить их отправлять свои корабли в Архангельск для торговли, с обещанием полной императорской поддержки и хорошей прибыли»¹¹. Отправку царской «грамоты во Францию» в донесении от 12 августа 1584 г. подтверждал и английский торговый агент в Москве Ричард Ральф¹².

5 марта 1585 г. Джулио Бузини, флорентийский представитель во Франции, написал великому герцогу Тосканскому Фердинанду I Медичи: «Сюда [в Париж] прибыл посол Московита. Говорят, затем, чтобы предложить приезжать и торговать на самых благоприятных условиях тем купцам, которые занимаются этим видом торговли [морской]. По своему возвращению он хотел бы взять с собой врачей и различных мастеров, которым обещал большие блага»¹³. Ему вторит королевский историограф и космограф Андре Теве, который не преминул познакомиться с царским посланцем и который наконец называет его имя в своем сочинении «Большой остров»: «План этого острова [Соловки] я получил в своем парижском доме от одного дворянина из Московии по имени Пьер Рагон (Pierre Ragon)»¹⁴; «Это значимое лицо, как говорят, было направлено своим королем <так!> с тем, чтобы заверить купцов в своем желании сделать свободным проезд, если они пожелают торговать в его стране, как это уже делают датчане, шведы <так!> и англичане»¹⁵. Нужно отметить, что в рукописном списке этого сочинения Андре Теве из Национальной библиотеки Франции в Париже имя Рагон зачеркнуто неизвестной рукой и поверх написано «Рагуз» (Ragouse)¹⁶, что некоторым исследователям дало основание ошибочно называть его Пьер де Рагуз¹⁷: однако дворян с таким именем во Франции не было.

У нас нет достоверных сведений, каким образом Пьер Рагон добрался до французского двора. Судя по дате послания Бузини, в Париже он появился в конце февраля — начале марта 1585 г., и логично предположить, что его привез

в своей свите английский посол граф Дерби, прибывший с официальным визитом к Генриху III 23 февраля¹⁸. То есть версия английского посредничества в деле доставки русского посланника через Архангельск в Англию весьма вероятна. Также можно предположить, что Рагон без задержки получил документы на проезд во Францию: английская королева Елизавета I не стала ссориться ни с новым русским монархом, ни с французским королем, к которому направила большое посольство. Не исключено, что Пьер Рагон был лично принят Генрихом III и передал ему церемониальное послание Федора Ивановича, сообщающее о кончине Ивана IV. Встреча могла состояться только в Луврском замке, откуда король не отлучался вплоть до июля 1585 г.¹⁹

И все же — кому мог дать аудиенцию Генрих III, кем был таинственный Пьер Рагон? И западные, и отечественные историки не смогли уверенно идентифицировать этого персонажа²⁰. По состоянию на середину XVI в. французский «Геральдический бюллетень» приводит только одну благородную фамилию во Франции с родовым именем «Рагон». Согласно данным выпуска 1856 г., Рагоны — мелкопоместная дворянская семья из срединной Шампани, области на востоке от Парижа, владеющая сеньорией Банж, зависящей от герцогов Неверских. В 1489 г., благодаря обретению должности бальи Бофора, Жан Рагон получил дворянский патент²¹. Как свидетельствуют данные «Ежегодника французского дворянства» (1860), Пьер — наследственное имя в семье Рагонов, и скорее всего, наш Пьер был уже четвертым по счету. Дата его рождения вычисляется только приблизительно: так как его отец родился после 1534 г.²², а ему самому соответственно в 1584–1585 гг. было как минимум 20–25 лет, он мог появиться на свет накануне Гражданских войн — около 1560 г. В любом случае в Россию он попал в молодом возрасте.

Судя по сохранившейся записи от ноября 1572 г., свидетельствующей об отречении от протестантизма, житель деревни Виллере Пьер Рагон-отец вместе с сыном (видимо, малолетним или отроком²³) вернулся в католичество, чтобы спасти свою жизнь после событий Варфоломеевской ночи²⁴. Дальнейшая биография Пьера IV французам известна только с 1587 г. Но что же с ним случилось в период между 1572 и 1584 гг.? Как он очутился в России, если во Франции ему ничто не угрожало — он вернулся в католичество, а его отец поступил на службу к герцогу Неверскому, Луи (Лодовико) де Гонзага, влиятельному вельможе при дворе короля?²⁵ Вполне вероятен следующий сценарий: осенью 1573 г. Генрих де Валуа, избранный король Польши, отправился из Франции в свои новые владения. В составе его огромной свиты из 1200 только штатных светских лиц был и герцог Неверский, богатый итальянский принц на французской службе и родственник короля²⁶. Возможно, что Рагон-отец попросил своего патрона-герцога принять в число своих пажей Пьера-младшего — это было очень почетное и престижное место для сына маленького безземельного деревенского дворянина. Надо полагать, что король Генрих, обладавший безупречной памятью на лица своего окружения, запомнил Пьера Рагона²⁷. Совсем

не случайно спустя некоторое время именно на него в Москве возложили ответственную миссию, принимая во внимание его личное знакомство с королем.

У нас также нет ответа на вопрос, каким образом Рагон все же оказался при русском дворе. После бегства Генриха во Францию в июне 1574 г. в компании того же герцога Неверского французская часть его двора оказалась брошенной, и каждый добирался до Франции как мог. У юноши Рагона не было финансовой возможности оплатить дорожные расходы, и не исключено, что он рекрутировался в польскую армию, затем став военнопленным. Как вариант, он мог быть прикомандирован к польскому королевскому посольству в Россию во главе с Варфоломеем Завадским и Матвеем Протасевичем, летом 1574 г.²⁸ Как бы то ни было, к первой половине 1580-х гг. он уже явно хорошо владел русским языком и был использован как толмач, переводчик с французского и, наверняка, с латинского, что говорит как минимум о нескольких годах, проведенных им в России²⁹.

Относительно его первого визита во Францию в новом качестве гонца зимой — весной 1585 г. очевидно, что Рагон рассказал Генриху III о смерти Ивана IV и о воцарении Федора I, равно как о дополнительных поручениях русского двора. Однако миссия царского посланца пришлась на неудачное время — начало Восьмой Религиозной войны во Франции, кульминацией которой стала гибель короля в августе 1589 г. Тем не менее летом 1585 г. Генрих III счел возможным ответить на послание Федора Ивановича: вместе с Пьером Рагоном он отправил в Москву своего посланника Франсуа де Карля, первого официального представителя Франции при русском дворе³⁰. Н. ван Вассенар подтверждает, что «в конце года 1585 два посланца из Франции прибыли в Москву с письмами от короля Франции, каковых вскоре отправили обратно»³¹. Это случилось в октябре, о чем царь с удовлетворением уведомил французского короля³².

Опубликованная под редакцией С. О. Шмидта «Опись архива Посольского приказа 1626 года» также свидетельствует: «Грамота Французского короля Индрика, прислана в 94-м году с толмачом, с Петром Рогуном, писана на бумаге, о поздравленьи на государстве царю и великому князю Федору Ивановичю всея Руси; у ней печать королевская цела»³³. К сожалению, пока ни в России, ни во Франции не удалось обнаружить ни оригинала, ни копии этого послания Генриха III, что, несомненно, связано с исчезновением части королевского архива во время Гражданских войн второй половины XVI в. и русскими несчастьями XVII–XIX вв., интервенциями, войнами и пожарами. Однако мы обладаем уникальной регистрационной записью в царской канцелярии о получении официального послания короля Франции. Опираясь на эти строки описи, а также ответное письмо Федора I, можно согласиться с Г. Жорданием, что в содержательной части письма было четыре сюжета: поздравления Генриха III по случаю восшествия царя на трон; сожаления о кончине Ивана IV и о траурных мероприятиях при французском дворе в этой связи; просьбы о покровительстве французским купцам; наконец, желание короля направить в Москву постоянного посла «в более благоприятное время». По поводу траура Генрих III если

и лукавил, то совсем немного: летом 1584 г. французский двор действительно скорбел по поводу кончины брата короля герцога Анжуйского и Алансонского, и в письме в Москву удачно получилось увязать один траур с другим.

В своей ответной, второй по счету грамоте во Францию, Федор Иванович выразил удовлетворение от статуса и полномочий «дворянина и слуги Вашего Франсуа де Карля, <...> которого мы приняли лично»³⁴. Вероятно, профессиональный военный и опытный дипломат Франсуа де Карль очень полагался на советы Рагона и не без его помощи за свой короткий визит в Москву сумел договориться о подтверждении торговых привилегий для французских купцов³⁵. Возможно, Генрих III не забыл важный совет своего посла в Дании, курирующего русские дела, Шарля де Данзе, данный еще в 1583 г.: «Чтобы легче получить эти привилегии, необходимо, чтобы Его Величество послал Московиту хорошо снаряженного дворянина (*gentilhomme en bon équipage*)»³⁶.

Неясно, каким образом Пьера Рагона отпустили с русской службы (возможно, и не отпускали, дав очередное поручение), но из России он выехал вместе с Карлем, видимо, также в статусе гонца. По мнению Г. Жордани, их обоих отправили обратно через Архангельск, возможно, даже в навигацию 1586 г.³⁷ Вторая грамота Федора I Генриху III была доставлена в неизвестное время 1586 г., но очевидно, что в разгар Гражданских войн, когда король стремительно терял контроль над страной, и мы не знаем, каким образом сохранился и где ныне находится список этого послания, опубликованный Луи Парисом³⁸.

По возвращении во Францию Рагон решил остаться на родине — скорее всего, получил предложение от Генриха III перейти на королевскую службу³⁹. Несомненно, король принял его в число своих доверенных лиц. Согласно «Ежегоднику французского дворянства», вскоре бывший русский гонец и толмач получил титул сеньора де Соранжа и продолжил свою дипломатическую службу: в составе миссии кардинала де Жуайеза в том же 1587 г. он отправился в Рим к папе отстаивать интересы своего короля. После убийства Генриха III Пьер Рагон принял сторону Генриха Наваррского, законного наследника трона, и вскоре погиб, сражаясь под его знаменами в битве с армией Католической лиги при Арке в сентябре 1589 г.⁴⁰ Ему было не более 30 лет, наследников он не оставил. Его отец благополучно пережил Религиозные войны и умер после 1607 г.; род Рагонов продолжил его младший брат.

Нет сомнений, что архивные разыскания о судьбе первого царского переводчика с французского языка еще внесут свои важные дополнения в его неординарную биографию.

¹ *Paris L.* La Chronique de Nestor, traduit en français d'après l'édition impériale de Pétersbourg (Manuscrit de Koenigsberg), accompagnée de notes et d'un recueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France. Paris, 1834. T. I. P. 381–384.

- ² Эта ошибка также была повторена Б. Виане: *Виане Б.* Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М., 2017. С. 86–87; текст письма был воспроизведен в кн.: *Rambaud A.* Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphale jusqu'à la révolution française. Paris, 1890. Т. I. P. 14–15. См. также: *Комочев Н. А.* Переписка русских и французских государей XVI — начала XVIII в.: хронологический перечень // Археографический ежегодник за 2016–2023 годы. М., 2024. С. 248–249.
- ³ *Paris L.* La Chronique de Nestor, traduit en français d'après l'édition impériale de Pétersbourg... Т. I. P. 381.
- ⁴ *Kalmykov A. A.* 16th Century Russian Envoy to France // *Slavic Review*. 1964. Vol. 23, № 4. Dec. P. 701–705.
- ⁵ *Шишкин В. В., Шварц И.* Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. СПб., 2021. С. 132–133.
- ⁶ *Рябов С. М.* «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»: русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х годов // *Средние века*. 2022. Т. 83, № 1. С. 164–181.
- ⁷ *Жордания Г.* Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Т. 1. Тбилиси, 1959. С. 46.
- ⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 146, 176 об., 200 об., 203 об.; Сборник Императорского российского исторического общества (ИРИО). Т. 38: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Ч. 1 (годы 1581–1604) / Изд. под наблюдением К. Н. Бестужева-Рюмина. СПб., 1883. С. 97, 101, 115; *Шишкин В. В.* «К Господарю нашему писал Францовской король о любви»: Генрих III и императоры Московии // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8 (3). С. 939–962.
- ⁹ Известия англичан о России XVI в. // Посольство Е. Бауса / Пер. С. М. Середонина // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1884. № 4. С. 96–105.
- ¹⁰ Сборник ИРИО. Т. 38. С. 101, 118, 125.
- ¹¹ *Wassenaer N. van.* Historisch verhael alder ghedenck — weerdichste geschiedenis. Amsterdam: Voeckvekooper, 1622. Т. VIII. F. 92r.
- ¹² Сборник ИРИО. Т. 116: Донесения посланников Республики Соединенных Нидерландов / Под ред. В. А. Кордта. СПб.; Киев, 1902. С. 67–68.
- ¹³ *Negotiations diplomatiques de la France avec la Toscane (1574–1589)* / Éd. A. Desjardins. Paris: Imprimerie Impériale, 1862. Т. IV. P. 549–550.
- ¹⁴ *Le grand Insulaire et pilotage d'André Thevet, Angoumoisain, cosmographe du Roy, dans lequel sont contenus plusieurs plants d'isles habitées et deshitées et description d'icelles (1586)* // Bibliothèque nationale de France (BnF). Ms. Fr. 15452. F. 11r.
- ¹⁵ *Description de plusieurs isles, par M. André Thevet* // BnF. Ms. Fr. 17174. F. 7r.
- ¹⁶ BnF. Ms. Fr. 15452. F. 11r.
- ¹⁷ *Виане Б.* Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. С. 278.
- ¹⁸ *Lettres de Henri III, roi de France* / Éd. J. Boucher. Т. VI. Paris, 2006. P. 381.
- ¹⁹ *Itinéraire d'Henri III. Les lieux de séjour du roi d'après sa correspondance (1565–1589)* / Éd. Caroline zum Kolk & Eloise Roche. Paris: Cour de France.fr, 2011. URL: https://cour-de-france.fr/squelettes/bases/itineraires/resultat_itineraire.php?Nr_personne=002&Town=0&year=1585 (дата обращения 02.10.2025).
- ²⁰ *Kalmykov A. A.* 16th Century Russian envoy to France. P. 701–705; *Флоря Б. Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.) // *Средние века*. Вып. 36. М.; Л., 1973. С. 136.
- ²¹ Семья также обрела свой герб в виде безголового дракона, с намеком на то, что когда-то их родовое имя было редуцировано, а изначально благородно звучало как «Dragon» — дракон: *Bulletin Héraldique de France* / Éd. L. de La Roque. Vol. IX. Paris, 1856. P. 117–118.
- ²² *Annuaire de la noblesse de France* / Éd. A. Borel d'Hauterive. Paris, 1860. P. 136.

- ²³ В документе — списке обращенных — специально отмечено: «Пьер Рагон-сын».
- ²⁴ Bulletin de la Société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne. Vol. 17. Auxerre, 1863. P. 377.
- ²⁵ Annuaire de la noblesse de France / Éd. A. Borel d'Hauterive. P. 136.
- ²⁶ Champion P. La maison et l'entourage d'Henri III en Pologne // Humanisme et Renaissance. 1940. T. 7, no. 3. P. 286–308.
- ²⁷ Le Roux N. Courtisans et favoris: l'entourage du prince et les mécanismes du pouvoir dans la France des guerres de Religion // Histoire, économie & société. 1998. No. 17-3. P. 377–387.
- ²⁸ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 69.
- ²⁹ Однако предположение Б. Виане, что французский посол в Дании Данзе имел в виду Рагона, когда писал герцогу де Жуайезу 28 ноября 1583 г. об одном французе, прожившем в России двадцать лет, представляется неправдоподобным: Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. С. 26.
- ³⁰ Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 147–148.
- ³¹ Wassenauer N. van. Historisch verhael alder ghedenck — weerdichste geschiedenis. T. VIII. F. 92r.
- ³² La Chronique de Nestor. Т. I. P. 381–384; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. С. 85–87. Везде — с неверной датировкой, 1586 г. На деле — 1585 г.
- ³³ Опись Архива Посольского приказа 1626 года: в 2 ч. / Изд. подг. В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 181.
- ³⁴ Paris L. La Chronique de Nestor. P. 381–384.
- ³⁵ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Т. 1. С. 51–62.
- ³⁶ Correspondance de Charles de Dantzai, ministre de France à la cour de Dannemark (1575–1586) / Handlinger görande skandinavians historia. Т. XI. Stockholm, 1824. P. 242. Наша предыдущая версия перевода этого выражения кажется ошибочной: «Хорошо одетый дворянин»: Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. С. 147.
- ³⁷ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Т. 1. С. 63–64.
- ³⁸ Во время своей командировки во Францию в 1968 г. его искала А. Д. Люблинская, но безуспешно.
- ³⁹ Комочев Н. А. Переписка русских и французских государей XVI — начала XVIII в. С. 249.
- ⁴⁰ Annuaire de la noblesse de France. P. 136.

References

- Champion, P. La maison et l'entourage d'Henri III en Pologne. In *Humanisme et Renaissance*. 1940. Vol. 7, no. 3, pp. 286–308.
- Kolk, C., Roche, E. (eds.). *Itinéraire d'Henri III. Les lieux de séjour du roi d'après sa correspondance (1565–1589)*. Paris, Cour de France.fr, 2011. URL: https://cour-de-france.fr/squelettes/bases/itineraires/resultat_itineraire.php?Nr_personne=002&Town=0&year=1585 (date of access: 02.10.2025).
- Floria, B.N. Torgovlya Rossii so stranami Zapadnoi Evropy v Arkhangel'ske (konets XVI — nachala XVII v.) [Trade of Russia with Western European Countries in Arkhangelsk (late 16th — Early 17th Century)]. In Russ. J. In *Srednie veka*. Iss. 36. Moscow; Leningrad, 1973, pp. 129–151.
- Kalmykow, A. A. 16th Century Russian Envoy to France. In *Slavic Review*. 1964. Vol. 23, no. 4, pp. 701–705.
- Komochev, N. A. Perepiska russkikh i frantsuzskikh gosudarei XVI — nachala XVIII v.: khronologicheskii perechen' [Correspondence of Russian and French Sovereigns of the 16th — Early 18th Centuries: Chronological List. In Russ. J. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2016–2023 gody*. Moscow, 2024, pp. 240–260.
- Le Roux, N. Courtisans et favoris: l'entourage du prince et les mécanismes du pouvoir dans la France des guerres de Religion. In *Histoire, économie & société*. 1998. No. 17–3, pp. 377–387.

Ryabov, S. M. “Eta torgovlya ves'ma udobna i prinosit ogromnyuyu pribyl' vashim poddannym i uspokoenie vashemu korolevstvu”: russko-frantsuzskaya kommersiya v Narve v usloviyakh Baltiiskikh vojn 1560-kh godov [“This Trade is Very Convenient and Brings Huge Profits to Your Subjects and Reassurance to Your Kingdom”: Russian-French Commerce in Narva During the Baltic Wars of the 1560s. In Russ.]. In *Srednie veka*. 2022. Vol. 83, no. 1. pp. 164–181.

Shishkin, V. V. “K Gospodaryu nashemu pisal Frantsovskoi korol' o lyubvi”: Genrix III i imperatory Moskovii [“King of France Wrote to our Sovereign about Love”: Henry III and the Emperors of Muscovy. In Russ.]. In *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8 (3), pp. 939–962.

Shishkin, V. V., Schwarcz, I. *Frantsuzskoe korolevstvo i Russkoe gosudarstvo v XI–XVI vekakh* [French Kingdom and the Russian State in the 11th–16th Centuries. In Russ.]. St. Petersburg, Nauka publ., 2021, 310 p.

Vianey, V. *Puteshestvie Zhana Sovazha v Moskoviyu v 1586 godu. Otkrytie Arktiki frantsuzami v XVI veke* [Journey of Jean Sauvage to Muscovy in 1586. Discovery of the Arctic by the French in the 16th Century. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2017, 721 p.

Zhordaniya, G. *Ocherki iz istorii franko-russkikh otnoshenii kontsa XVI i pervoi poloviny XVII v.* [Essays from the History of Franco-Russian Relations of the Late 16th and First Half of the 17th Centuries. In Russ.]. Vol. 1. Tbilisi, Tbilisi State University press., 1959. 382 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

**В. В. Шишкин. Петр Рагун — Пьер Рагон, переводчик с французского при Иване IV и Федоре Ивановиче // Петербургский исторический журнал. 2026. № 2. С. 111–119.
DOI 10.51255/2311-603X_2026_2_111**

Аннотация: Статья посвящена реконструкции основных вех биографии толмача на службе Ивана IV Васильевича и Федора I Ивановича, Пьера Рагона, который фигурирует в русских источниках как Петр Рагун. Основываясь на документальных данных французского происхождения, весьма неполных и отрывочных, можно тем не менее утверждать, что речь идет о мелком дворянине из Шампани, который служил при русском дворе в 1580-х гг. и дважды выполнял роль царского гонца ко французскому двору Генриха III. Высказываются гипотезы, каким образом он мог оказаться в России, а также прослеживается его судьба после возвращения во Францию.

Ключевые слова: русско-французские отношения, XVI в., Пьер Рагон, Федор I Иванович, Генрих III Валуа.

FOR CITATION

**V. V. Shishkin. Pyotr Ragun — Pierre Ragon, Translator from French under Ivan IV and Feodor Ivanovich // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2026, pp. 111–119.
DOI 10.51255/2311-603X_2026_2_111**

Abstract: The article is devoted to the reconstruction of the main milestones of the biography of the translator in the service of Ivan IV Vasilyevich and Feodor I Ivanovich, Pierre Ragon, who appears in Russian sources as Peter Ragun. Drawing upon documentary sources of French origin, albeit notably incomplete and fragmentary, it can be argued that the subject in question is a small nobleman from Champagne who served at the Russian court during the 1580s and was twice dispatched as the royal messenger to the French court of Henry III. The text puts forward hypotheses regarding the reasons for his presence in Russia and traces his fate upon his return to France.

Key words: Russian-French relations, 16th century, Pierre Ragon, Feodor I Ivanovich, Henry III de Valois.

Автор: Шишкин, Владимир Владимирович — д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Shishkin, Vladimir Vladimirovich — Dr. of Sci in Hist., chief researcher of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: VladimirGenghis@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5163-5474